

© 2009 г. Д.И. ИДИАТОВ

ЧАСТИЧНАЯ АНТИМОРФОЛОГИЗАЦИЯ: ПРИМЕР ИЗ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ЯЗЫКА ТУРА

В данной статье рассматривается случай частичной антиморфологизации (качественного уменьшения степени морфологической связанности) глагольного словообразовательного суффикса [-LA] в языке тура (юго-восточные манде), которая привела к возникновению в тура двух видов линейно-синтагматического дуализма: суффикс/слабо автономная словоформа и (незначащая) часть корня/слабо автономная словоформа (с последним связано существование таких причудливых морфологических единиц, как псевдословоформы). В функциональном плане, частичная антиморфологизация в тура представляет случай репарадигматизации по аналогии.

1. ВВЕДЕНИЕ¹

В последнее время в литературе по грамматикализации неоднократно поднимался вопрос об обоснованности гипотезы о ее однонаправленном характере (например [Newmeyer 1998; Lass 2000; Campbell 2001; Janda 2001]). Довольно убедительный ответ на подобную критику был предложен в работе [Haspelmath 2004]. Так, признавая наличие примеров, противоречащих предположению об обязательной однонаправленности грамматикализации, Хаспельмат указывает одновременно на то, что число настоящих случаев инверсии грамматикализации («reversal of grammaticalization»), для описания которых он предлагает использовать термин «антиграмматикализация» («antigrammaticalization»), очень незначительно (он приводит восемь таких случаев) и, соответственно, не подрывает гипотезу об однонаправленности грамматикализации как таковую. Наличие контрпримеров, правда, переводит однонаправленность из статуса абсолютной универсалии в ранг важнейшего ограничения на возможные морфосинтаксические изменения («the most important constraint on morphosyntactic change»). В [Idiatov 2008] подробно анализируются предполагаемые случаи антиграмматикализации, а также такие ключевые понятия, как грамматическое значение, грамматикализация, деграмматикализация и антиграмматикализация, и автор приходит к выводу, что эти предполагаемые примеры антиграмматикализации таковыми на самом деле не являются, поскольку в них не происходит перехода грамматических показателей в статус неграмматических. В лучшем случае, их следует рассматривать лишь как примеры качественного уменьшения степени морфологической связанности, что Идиатов предлагает описывать термином «антиморфологизация». Антиморфологизация соотносится с (более привычной) деморфологизацией так же, как антиграмматикализация соотносится с деграмматикализацией.

¹ Данные по языку тура, обсуждаемые в настоящей работе, были собраны в Кот д'Ивуаре в рамках проекта Lexicology of Eastern Mande languages in the context of Mande linguistic comparison, финансируемого Swiss National Science Foundation. Я также признателен за финансовую поддержку проекту P6/44 (Belgian Federal Government, Interuniversity Attraction Poles). Кроме того, я хотел бы высказать свою благодарность Марку Ван де Вельде за ценные комментарии по данной статье.

В настоящей статье мы рассмотрим случай частичной антиморфологизации глагольного словообразовательного суффикса $[-L\check{A}]$ в языке тура². Обсуждение организовано следующим образом. В качестве введения в разделе 2 дается краткий обзор морфонологии, семантики и этимологии суффикса $[-L\check{A}]$. В разделе 3 подробно рассматривается механизм частичной антиморфологизации суффикса $[-L\check{A}]$, а также предлагается диахронический сценарий становления данного феномена. Раздел 4 представляет суффикс $[-L\check{A}]$ в более широкой сравнительной перспективе юго-восточной ветви языков манде. Наконец, раздел 5 содержит краткое заключение.

2. СУФФИКС $[-L\check{A}]$: МОРФОНОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

Из примерно 200 глаголов языка тура 24 оканчиваются на $[-L\check{A}]$. Нотация $[-L\check{A}]$ здесь служит условным сокращением для (i) $-l\check{a}$ после э , как в глаголе $d\acute{o}l\check{a}$ ‘останавливаться; ждать’ (связанного с глаголом $d\acute{o}$ ‘стоять; ждать; останавливаться’); (ii) для $-n\check{a}$ после носового гласного, как в глаголе $z\acute{i}n\check{a}$ ‘опускать, спускаться’ (связанного с глаголом $z\acute{i}$ ‘касаться’); (iii) для $-l\check{a}$ в остальных случаях, как в глаголе $s\grave{e}l\check{a}$ ‘поворачиваться; перемещаться’³. Корень глагола также может претерпевать различные морфонологические изменения в контакте с $[-L\check{A}]$. Наиболее типичным подобным изменением является усеменение корней структуры CVV до формы CV, как, например, в $y\grave{a}l\check{a}$ ‘сидеться’, образованном от глагола $y\grave{a}$ ‘сидеться’.

В норме $[-L\check{A}]$ ведет себя как суффикс. Помимо нетривиальных морфонологических изменений (как в $[-L\check{A}]$, так и в корне глагола), сопутствующих деривации на $[-L\check{A}]$, это проявляется и в том, что, например, сегментная часть глагольного видо-временного показателя, как проиллюстрировано в примере (1), присоединяется справа от $[-L\check{A}]$ перед любыми остальными постглагольными элементами, а несегментная часть того же видо-временного показателя реализуется через мену тона на $[-L\check{A}]$.

- (1) $\acute{o}$ $d\acute{o}-l\acute{o}-\acute{o}$ ($y\acute{a}\check{a}$ $l\check{e}$)
 3SG.SUBJ.NEG.TAM стоять- $L\check{A}$ -TAM-TAM вчера PP
 ‘Он не остановился (вчера)’.

Семантика $[-L\check{A}]$ часто представляется довольно расплывчатой. Так, за неимением лучшего термина, [Bearth 1971: 170] предлагает анализировать $[-L\check{A}]$ как словообразовательный суффикс с интенсивным значением («valeur intensive»). Тем не менее, во многих случаях $[-L\check{A}]$ может быть анализирован как показатель особого вида понижающей или, скорее, в терминологии [Плунгян 2000: 214–219], интерпретирующей актантной деривации. В рамках данной статьи будет достаточно охарактеризовать $[-L\check{A}]$ приблизительно как словообразовательную морфему со значением ‘где-то, где-нибудь’, что может быть проиллюстрировано при помощи примеров (2) и (3) с глаголом $y\grave{a}$ и его дериватом $y\grave{a}l\check{a}$. Оба глагола имеют значение ‘сидеться’.

- (2) а. $y\grave{a}l\check{a}$!
 садиться. $L\check{A}$?
 ‘Садись!’

² Язык тура относится к юго-восточной ветви языков манде нигеро-конголезской макросемьи. Он распространен на небольшой территории к северо-востоку от города Ман, находящегося на западе Кот д'Ивуара. Число говорящих на тура оценивается приблизительно в 40 000 человек.

³ Тоны в примерах обозначаются следующим образом: $\acute{a}$ (сверхвысокий тон), $\acute{a}$ (высокий тон), $\grave{a}$ (низкий тон), $\check{a}$ (сверхнизкий тон). Согласные l и n , а также b и m находятся в тура в практически полной дополнительной дистрибуции. За единичными исключениями, неносовой согласный всегда предшествует неносовой гласной, а носовой согласный – носовой гласной.

b. *yàà!
сидиться
'Садись!'

(3) a. yàà gbääñǣ tǎ!
сидиться стул PP
'Садись на стул!'

b. ʔyàlǎ! gbääñǣ tǎ!
сидиться.Lǎ стул PP
'Садись на стул!'

Грубо говоря, |-Lǎ| маркирует опущение (или иногда факультативность) постглагольного локативного аргумента, обычно обязательно выраженного при исходном глаголе как непрямое дополнение или обстоятельство⁴. Для сходной деривации, затрагивающей прямое дополнение, в литературе можно встретить такие термины, как «объектный имперсонал» (см. [Плунгян 2000: 218]), «деобъектив» («deobjective»), «неопределенно-объектный супрессив» («indefinite object deletion») или «абсолютив» («absolute») (см. [Haspelmath, Müller-Bardey 2004: 1131]). По аналогии деривацию на |-Lǎ| в тура можно обозначать, как «(локативный) деобликатив» (соответствующий английскому «(locative) deoblique» или «deoblique»), «делокатив», «локативно-обстоятельственный супрессив» или «локативный абсолютив».

Этимологически |-Lǎ| восходит к демонстративу *tǎ 'там, туда', рефлекс которого в современном тура обнаруживается в начальном сегменте демонстратива lǎǎ 'тот'. Формы, родственные суффиксу |-Lǎ|, отмечены в большинстве языков юго-восточной ветви семьи манде. В южной подгруппе юго-восточных манде, к которой относится тура, они обычно имеют форму |-Lǎ|. В восточной подгруппе юго-восточных манде мы обычно встречаем форму |-Lɛ|, восходящую к другому демонстративу *tɛ 'там, туда'. Рефлексом последнего в современном тура является демонстратив tɛ/lɛ 'там, туда (недалеко)'.

3. ЧАСТИЧНАЯ АНТИМОРФОЛОГИЗАЦИЯ |-Lǎ| В ТУРА

Суффикс |-Lǎ| подвергся в тура частичной антиморфологизации, что проявляется в возникновении у глаголов на |-Lǎ| способности быть разрываемыми различными приименными модификаторами. В подобных случаях |-Lǎ| оказывается (в терминологии [Плунгян 2000: 33]) слабо автономной словоформой. Такой разрыв глагола на |-Lǎ| проиллюстрирован в примере (4), который так же, как и вышеприведенный пример (1), содержит глагол dǎlɛ 'останавливаться; ждать'.

(4) ðò dǎ dɛɛ ké lǎ-ɔ
3SG.SUBJ.NEG.TAM стоять новый некоторый Lǎ[=TRNS]TAM-TAM
'Он снова не остановился'.

Обратите внимание на то, что даже после разрыва |-Lǎ| в (4) продолжает выступать в виде алломорфа lǎ. Кроме того, как становится видно из примера (5) с глаголом yàlǎ 'сидиться', образованным от глагола yàà 'сидиться', корень глагола после разрыва

⁴ Тура, аналогично другим языкам манде, характеризуется жестким порядком слов, который схематично можно представить как S PM O V X. Постглагольный элемент X обычно описывается как непрямое дополнение, когда он маркируется послелогом, и как обстоятельство, когда послелог отсутствует.

также продолжает выступать в виде того же „алломорфа (в данном случае *yà*), который исходно был обусловлен контактом с *|-LĀ|*.

- (5) *ðó yà d'ěé ké lá-á*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM садиться новый некоторый *LĀ*[=TRNS]TAM-TAM
 ‘Он снова не сел’.

Конструкция, представленная в (4) и (5), используется, прежде всего, для фокализации предиката и для придания предикату комбинаторных способностей существительного. Такие же результаты могут быть достигнуты и через помещение глагола в позицию прямого дополнения вспомогательного глагола *wó* ‘совершать, делать’, который, в свою очередь, перенимает на себя всю видо-временную и модальную морфологию глагола (6). Следуя терминологии, предложенной в [Bearth 1971: 171–176], последняя конструкция обозначается, как «транспозиция на *wó*» («transposition en *wó*»), а предыдущая конструкция – «транспозиция на *|-LĀ|*» («transposition en *-lā*»).

- (6) *ðó d'ó-l' d'ěé ké wó-ó*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM стоять-*LĀ* новый некоторый делать[=TRNS]TAM-TAM
 ‘Он снова не остановился’.

Транспозиция на *|-LĀ|* является альтернативой обычной транспозиции на *wó*, и, за исключением одного единственного контекста, эти две конструкции функционально абсолютно идентичны. Согласно [Bearth 1971: 174–175], функциональное различие между двумя видами транспозиции наблюдается лишь в одном из видов подчиненных предложений, где транспозиция на *wó* глагола на *|-LĀ|* влечет за собой причинное прочтение подчиненного предложения (7), тогда как применение к этому же глаголу транспозиции на *|-LĀ|* вызывает временное прочтение (8).

- (7) *ě d'ó-l' d'ěé wó-ó láä...*
 3SG.SUBJ.TAM стоять-*LĀ*=FOC делать[=TRNS]TAM-TAM TM
 ‘Поскольку он остановился...’

- (8) *ě d'ó=l' l'ó=l' láä...*
 3SG.SUBJ.TAM стоять = FOC *LĀ*[=TRNS]TAM-TAM TM
 ‘Когда он остановился...’

Морфологический статус *|-LĀ|* в примерах типа (4), (5) и (8) является исключительным: элемент *|-LĀ|* оказывается одновременно и словообразовательной морфемой, являющейся неотъемлемой частью глагола *d'ól'* ‘останавливаться; ждать’, и словом, используемым для транспозиции глагольного слова, частью которого он является. Однако еще более интересно дела обстоят в примере (9), где транспозиции подвергается глагол *gbā'ā* ‘гремять (о громе); кричать (ругаясь)’.

- (9) *lá=ā gbā' d'ěé ké lá-á*
 дождь = PM греметь₁ новый некоторый греметь₂[=Ø = TRNS]TAM-TAM
 ‘Снова прогремел гром’.

Элемент *|-LĀ|* в *gbā'ā* (и нескольких других глаголах) суффиксом не является и, насколько можно судить по имеющимся сравнительным данным, таковым никогда и не был. *|-LĀ|* является необходимой, но лишенной какого-либо собственного значения частью глагола *gbā'ā* (что обозначено в подстрочнике посредством символа Ø как одной из его возможных глосс). В то же время, *|-LĀ|* в примере (9) является также и словом, используемым для транспозиции глагольного слова, частью которого он является.

ся. В [Идиатов 2003] и [Idiatov 2005]⁵ предлагается использовать термины «квазисловформа» или «псевдословформа»⁶ для описания морфологического статуса подобных элементов.

По всей видимости, транспозиция на $[-L\check{A}]$ возникла в результате возникновения возможности альтернативного структурного анализа глаголов на $[-L\check{A}]$ как сочетания обычного глагола и транспозирующего его вспомогательного глагола. Подобное развитие необходимо предполагало бы предварительное существование обычной транспозиции на $wó$, в особенности ее «нераспространенного» варианта, т.е. такой транспозиции на $wó$, где глагол, транспозированный при помощи $wó$, ничем больше не модифицирован. Поскольку семантические различия между глаголом на $[-L\check{A}]$ и его производящим глаголом обычно являются довольно тонкими, глагол на $[-L\check{A}]$ легко может показаться структурно идентичным подобной «нераспространенной» транспозиции на $wó$, с тем лишь отличием, что вспомогательный глагол здесь будет не $wó$, а $[-L\check{A}]$. Кроме того, возникновению транспозиции на $[-L\check{A}]$ должно было способствовать и определенное размывание исходной семантики $[-L\check{A}]$. Проиллюстрируем вышеописанный процесс возникновения транспозиции на $[-L\check{A}]$ при помощи примеров (10–13).

- (10) $\acute{o}\acute{o}$ $gw\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}-\grave{a}$ $z\acute{u}l\acute{u}$ $l\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}$
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать\ТАМ-ТАМ мыться место\ZF PP
 ‘Он не насыпал камней в место для мытья’.
- (11) $\acute{o}\acute{o}$ $gw\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}$ $wó-ó$ $z\acute{u}l\acute{u}$
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать делать[=TRNS]\ТАМ-ТАМ мыться
 $l\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}$
 место\ZF PP
 ‘Он не насыпал камней в место для мытья’.
- (12) $\acute{o}\acute{o}$ $gw\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}-n\grave{a}-\grave{a}$ $(s\acute{a}\grave{a}\grave{a})$
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать- $L\check{A}$ \ТАМ-ТАМ на.земле
 ‘Он не высыпал камни (на землю)/не рассыпал камни (по земле)’.
- (13) $\acute{o}\acute{o}$ $gw\grave{e}\grave{e}$ $b\grave{a}$ $n\grave{a}-\grave{a}$ $(s\acute{a}\grave{a}\grave{a})$
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать $L\check{A}$ \ТАМ-ТАМ на.земле
 ‘Он не высыпал камни (на землю)/не рассыпал камни (по земле)’.

Примеры (10) и (11) иллюстрируют использование глагола $b\grave{a}$ ‘сыпать, ронять’ (или ‘сыпаться, падать’ в интранзитивном употреблении) без транспозиции на $wó$ и с транспозицией на $wó$, соответственно. Глаголу $b\grave{a}$ соответствует производный глагол на $[-L\check{A}]$ $b\grave{a}n\grave{a}$ ‘сыпать, ронять’ (или ‘сыпаться, падать’ в интранзитивном употреблении), см. (12). Семантические различия между этими двумя глаголами довольно тонкие, как, впрочем, и между большинством остальных глаголов на $[-L\check{A}]$ и их производящими глаголами. Носители языка обычно не отдают себе отчета в их существовании и заявляют, что $b\grave{a}$ и $b\grave{a}n\grave{a}$ имеют одно и то же значение. Тем не менее, эти глаголы крайне редко оказываются свободно взаимозаменяемыми. Не вдаваясь в по-

⁵ В [Idiatov 2005] также обсуждается сходное явление в числительных тура и приводятся некоторые типологические параллели псевдословформ.

⁶ Понятие псевдословформы тесно связано с более общей проблематикой так называемых суб- или квазиморфемных единиц. Хорошим введением в данную проблематику является работа [Kubřajkova 2000].

дробности, можно сказать, что *bá nǎ* обычно подразумевает падение некоторого множества объектов и, в отличие от *bá*, особо выделяет тот факт, что это множество дискретно и что конечная точка падения нерелевантна. Чаще всего это подразумевает идею рассредоточения падающих объектов. Так, в примере (12) камни высыпаются где-то на землю или рассыпаются где-то по земле, например, чтобы от них избавиться, тогда как в примерах (10) и (11) камни представляются падающими вместе и в одно четко ограниченное место. Место для мытья, упомянутое в примерах (10) и (11), является небольшой неогороженной площадкой на улице, где традиционно моются мужчины тура и которая предварительно усыпается камнями.

Будучи близкими по значению, сказуемые в примерах (11) и (12) могут также довольно легко показаться схожими и по своей структуре. Таким образом, несложно себе представить следующий шаг, в результате которого становится возможным альтернативный структурный анализ примера (12) как примера (13). И как только у нас появляется подобная возможность, ничто, в принципе, не должно нам больше мешать использовать различные приемные модификаторы при первой части глагола на *|-LA|* точно так же, как и при соответствующем производящем глаголе без *|-LA|* в случае его транспозиции на *wó*. В этой связи следует отметить, что, когда первая часть глагола на *|-LA|* ничем не модифицирована, мы, строго говоря, не можем с полной определенностью сказать, имеем ли мы дело с транспозицией или нет. Только на основе косвенных аргументов мы приходим к выводу, что, по крайней мере в современном тура, предпочтение следует отдавать анализу в духе примера (12), а не (13). Так, во-первых, транспозиция несет в тура четко определенную функциональную нагрузку. Она имеет прямое отношение к выражению категории фокуса, которая играет очень важную роль в грамматической системе языка тура в целом. Соответственно, было бы странно, если бы довольно крупная группа глаголов хронически не различала фокализованную и нефокализованную формы. Во-вторых, что еще более важно, для большинства глаголов тура без *|-LA|* транспозиция на *wó*, не включающая, как в примере (11), по крайней мере показатель фокуса, хотя и возможна в принципе, чаще всего оказывается не очень естественна. Существуют, правда, несколько довольно идиоматизированных выражений, сконструированных подобным образом. Например, нераспространенная транспозиция на *wó* очень употребительна с глаголом *kùǎ* 'воровать' (14). Более того, она даже более употребительна, чем самостоятельное использование глагола *kùǎ*, представленное в примере (15). В этой связи следует, правда, отметить, что *kùǎ* также является одним из тех редких глаголов, который может быть употреблен как существительное (со значением 'воровство, кража') без дополнительного морфологического маркирования и вне транспозиции на *wó*. Иными словами, конструкцию, использованную в примере (14), можно было бы глоссировать и как 3PL + 'кража' (т.е., 'их кража') + 'совершать'.

- (14) *ǒó* *ǎǎ* *kùǎ* *wó-ó*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM 3PL красть делать[=TRNS]TAM-TAM
 'Он их не крал'.

- (15) *ǒó* *ǎǎ* *kùǎ-á*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM 3PL красть\TAM-TAM
 'Он их не крал'.

В то же время, представляется обоснованным предполагать, что нераспространенная транспозиция на *wó* была более употребительна на предыдущих стадиях развития языка тура. Иными словами, использование модификатора (в особенности, показателя фокуса) в рамках конструкции транспозиции лишь позднее должно было стать более или менее обязательным для большинства глаголов. Изначально же глагольное сказуемое фокализовалось просто посредством конструкции, аналогичной англий-

ской *do*-перифразе (транспозиция на *wó*). С течением времени эмфатический характер этой конструкции несколько ослабился. Вполне вероятно, что это естественное изнашивание было только ускорено вышеупомянутой неоднозначностью глаголов на $[-L\check{A}]$ в том, что касается различения их транспозированной и нетранспозированной форм в случае нераспространенной транспозиции. В результате возникла необходимость в усилении эмфатического характера данной конструкции посредством введения в нее эксплицитного показателя фокализации. Это же ослабление эмфатического характера нераспространенной транспозиции способствовало возможности использования различных приемных определений при транспозированном глаголе в тех случаях, когда основной акцент оказывался не на предикате как таковом, а на различных сопутствующих характеристиках. Данный путь развития представляется мне наиболее вероятным в силу своей иконичности.

После того как транспозиция на $[-L\check{A}]$ прочно заняла свое место в узусе языка наравне с транспозицией на *wó*, она была по аналогии распространена и на глаголы типа *gbálá* 'гремять (о громае); кричать', в которых $[-L\check{A}]$ суффиксом не является. Вне всякого сомнения, включение в класс глаголов на $[-L\check{A}]$ глаголов типа *gbálá* еще больше способствовало размыванию исходной семантики $[-L\check{A}]$.

4. СУФФИКС $[-L\check{A}]$ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Рассмотрим теперь суффикс $[-L\check{A}]$ в более широкой сравнительной перспективе юго-восточной ветви языков манде⁷. По соображениям места я ограничусь здесь лишь кратким обзором. Более подробное обсуждение и примеры могут быть найдены в [Идиатов 2003]. Информация по этимологии данной морфемы уже была приведена в разделе 2. Среди прочего, в разделе 2 отмечалось, что в восточной подгруппе юго-восточных манде рассматриваемая морфема обычно имеет форму $[-L\check{E}]$. В (16) я привожу стадии развития $[-L\check{A}]$ и $[-L\check{E}]$ в юго-восточных манде. За исключением первой, реконструированной стадии, все прочие стадии сопровождаются примерами языков, в которых они отмечены. Генетические связи между упоминаемыми языками проявляются в генеалогическом древе юго-восточных манде, приведенном в схеме 1.

(16) $[-L\check{A}]$ и $[-L\check{E}]$ в юго-восточных манде⁸

- a. *автономная словоформа со значением 'там, туда' (см. раздел 2)
- b. экстернализированный формант⁹: в *яурэ*, *муан* и, может быть, в *гуро*
- c. суффикс: в *боко*, *буса*, *бокобару*, а также, по всей вероятности, в *биса* и *бенг*¹⁰
- d. часть глагольного корня¹¹: большинство юго-восточных манде
- e. суффикс/слабо автономная словоформа: в *тура*

⁷ В языках западной ветви каких-либо рефлексов данного суффикса мне пока обнаружить не удалось.

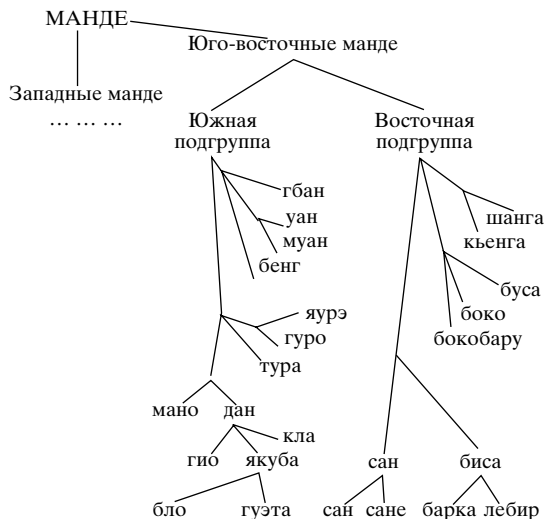
⁸ Морфологическая терминология, которую я использую здесь для описания линейно-синтагматического статуса рассматриваемых элементов, взята из [Плунгян 2000: 32-35].

⁹ Такой словообразовательный аффикс, который, подобно русскому суффиксу *-ся*, помещается дальше от корня, чем словоизменятельные аффиксы.

¹⁰ Насколько можно судить по имеющимся описаниям, семантика данного суффикса в этих языках в значительной степени схожа с семантикой суффикса $[-L\check{A}]$ в *тура*.

¹¹ В некоторых случаях также квази- или псевдосуффикс (морфоид, субморф и т.д.; см. [Плунгян 2000: 49]), т.е. такой суффикс, который может быть выделен только в плане выражения, но не содержания.

Классификация юго-восточных манде (на основе [Выдрин 2001])

Стадия псевдословоформы, упомянутая выше в связи с примером (9), в (16) не приведена, поскольку псевдословоформа [LA] этимологически с настоящим [-LA] никак не связана. Использование термина «суффикс» в (16) подразумевает, что в языке имеется по крайней мере несколько глаголов, в которых [-LA] может быть анализирован как суффикс. Это, правда, отнюдь не обозначает, что во всех глаголах, оканчивающихся на [-LA], последний будет являться полноценным суффиксом. Обращает на себя внимание отсутствие стадии клитики в (16). Это, однако, объясняется, прежде всего, тем, что данные современных языков не предоставляют нам достаточных оснований для реконструкции подобной стадии.

При рассмотрении данных, представленных в (16), неизбежно встает вопрос о том, почему из всех юго-восточных манде антиморфологизация произошла только в тура. Я полагаю, что ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в том факте, что тура, насколько можно судить по имеющимся данным, оказывается единственным языком среди юго-восточных манде, так широко использующим транспозицию. В большинстве остальных юго-восточных манде данная конструкция либо малоупотребительна, либо вообще отсутствует. В то же время, именно наличие этой конструкции сыграло в тура ключевую роль в возникновении возможности альтернативного структурного анализа глаголов на [-LA] (см. раздел 3).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы рассмотрели случай частичной антиморфологизации глагольного словообразовательного суффикса [-LA] в языке тура. По сути, этот процесс представляет собой не что иное, как формальное проявление возникновения возможности альтернативного структурного анализа глаголов на [-LA] как сочетания обычного глагола и транспозирующего его вспомогательного глагола по аналогии с обычной транспозицией на *wó*. Вне всякого сомнения, возникновению данной возможности в значительной степени способствовало размывание исходной словообразовательной семантики [-LA]. В результате, вдобавок к своей исходной словообразовательной функции интерпретирующей (или, в несколько иной терминологии, понижающей) актантной деривации [-LA] получил возможность параллельного использования в качестве вспомогательного глагола в конструкции транспозиции, что прежде должно было являться исключительной прерогативой вспомогательного глагола *wó* ‘совершать, делать’. Таким образом, в функциональном плане, частичную антиморфологизацию

[-LÁ] можно рассматривать как случай адаптации («adaptation») [Heine 2003] или, скорее, репарадигматизации («reparadigmatization») [Vincent 1995]¹².

Рассмотренный случай антиморфологизации в тура представляет особый интерес как в типологическом, так и в теоретическом отношении. Во-первых, тура демонстрирует нам возможность частичной антиморфологизации. Антиморфологизация [-LÁ] в тура оказывается ограниченной определенным грамматическим контекстом, в то время как в прочих контекстах [-LÁ] сохраняет свой суффиксальный статус. Во-вторых, помимо примера дуализма суффикс/слабо автономная словоформа, тура демонстрирует нам возможность еще одного вида линейно-синтагматического дуализма – (незначащая) часть корня/слабо автономная словоформа, а также связанного с этим дуализмом существования таких причудливых морфологических единиц, как псевдословоформы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

FOC – фокус, IZF – изафет, NEG – отрицание, PL – множественное число, PM – предикативный показатель (обязательный элемент любого финитного предложения, служащий локусом выражения большинства предикативных категорий), PP – послелог, SG – единственное число, SUBJ – подлежащее, TAM – категории времени-вида-модальности, TM – финальный показатель (маркирует определенные типы клауз), TRNS – показатель транспозиции (см. раздел 3)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выдрин 2001 – В.Ф. Выдрин. Фонологический тип и именная морфология в пра-манде. Дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2001.
- Идиатов 2003 – Д.И. Идиатов. Структура глагола в языке тура (Западная Африка, семья манде): элемент [-LÁ]. Маг. дип. р-та, СПб, 2003.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Bearth 1971 – T. Bearth. L'enonce toura. Norman, 1971.
- Campbell 2001 – L. Campbell. What's wrong with grammaticalization? // Language sciences. 2001. 23(2–3).
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Up and down the cline: the nature of grammaticalization. Amsterdam, 2004.
- Haspelmath, Müller-Bardey 2004 – M. Haspelmath, T. Müller-Bardey. Valence change // G.E. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). Morphology: a handbook on inflection and word formation, V. 2. Berlin, 2004.
- Heine 2003 – B. Heine. On degrammaticalization // B.J. Blake, K. Burridge, J. Taylor (eds.). Historical linguistics 2001: 15th international conference on historical linguistics, Melbourne, August 2001. Amsterdam, 2003.
- Idiatov 2005 – D. Idiatov. The exceptional morphology of Tura numerals and restrictors: Endoclititics, infixes and pseudowords // Journal of African languages and linguistics. 2005. 26(1).
- Idiatov 2008 – D. Idiatov. Antigammaticalization, antimorphologization and the case of Tura // E. Seoane, M.J. López-Couso, T. Fanego (eds.). Theoretical and empirical issues in grammaticalization. Amsterdam, 2008.
- Janda 2001 – R.D. Janda. Beyond 'pathways' and 'unidirectionality': on the discontinuity of language transmission and the counterability of grammaticalization // Language sciences. 2001. 23(2–3).
- Kubryakova 2000 – E.S. Kubryakova. Submorphemische Einheiten // G.E. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (eds.). Morphology: A handbook on inflection and word formation, V. 1. Berlin, 2000.
- Lass 2000 – R. Lass. Remarks on (uni)directionality // O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Pathways of change: grammaticalization in English. Amsterdam, 2000.
- Newmeyer 1998 – F.J. Newmeyer. Language form and language function. Cambridge, 1998.
- Vincent 1995 – N. Vincent. Exaptation and grammaticalization // H. Andersen (ed.). Papers from the 11th international conference on historical linguistics, Los Angeles, August 1993. Amsterdam, 1995.

¹² Здесь следует, правда, оговориться, что в случае тура репарадигматизация явилась следствием формального, а не функционального соответствия («matching») двух структур, транспозиции на *wó* и глагола на [-LÁ]. В то время как для [Vincent 1995: 439] две структуры соответствуют друг другу («match»), когда они обладают «the same morphosyntactic dimensions – be they number, person, case or whatever».